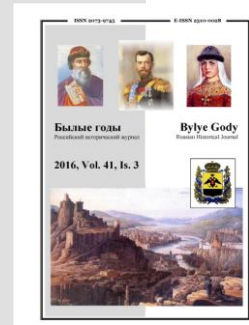

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 600-610, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Absolutist Reformism: Projects of Political Reforms in Russia (2nd half of 18th century – 1st quarter of 19th century)

Konstantin D. Bugrov ^{a, *}

^a Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Russian Federation

Abstract

The article deals with the phenomenon of absolutist reformism – a form of political culture that chronologically spans from the mid-18th century to 19th century, and is determined by both communicative context (genre), pragmatic purpose, and the social and political status of its participants, the members of court-administrative elite. The author argues that the principal reformers, who belonged to the court and administrative elite of Russian Empire, were competing with each other, and the reform proposals allowed the competitors to simultaneously improve their own positions within the structure of state governance and enact the absolute power of the monarch to bring the reform forth. However, that meant that the monarch was appearing in the reform proposals as an omnipotent arbiter capable of creating the social and political institutions by his will. Consequently, these reform proposals – starting from the early projects of the 1750es – 1760es, and finishing with the intense production of reform plans under Alexander I – were aimed at increasing the power of monarch, assuring its benevolent character, and protecting it from the potential usurpation from the inside of the bureaucratic apparatus. This logic of argumentation, which places the monarch against the bureaucracy, was to flourish later on in Russian 19th century.

Keywords: absolutism, reforms, monarchy, bureaucracy, Russian Empire, state governance, constitutionalism.

1. Введение

В своей классической работе М. Раев характеризовал политическую историю России XVIII–XIX вв. как двойной парадокс: стремление российской элиты к упорядоченной административной системе *Rechtsstaat* сталкивалось с неизбежным персонализмом самодержавия и, таким образом, власть, стремясь к модернизации России, сама оказывалась главным препятствием на этом пути, не давая хода инициативе «снизу» (Raeff, 1970: 1289-1310). Таким образом, в центре политической истории – борьба между «государством» и «обществом», между архаикой и модернизацией; подобное противоборство в той или мере задает шкалу, на которой можно располагать политических мыслителей. Исследовательская традиция по-разному оценивает эффективность попыток реформ – иногда скептически, в духе Раева, иногда, напротив, оптимистично. Антитеза «самодержавие» – «реформа», впрочем, остается одной из центральных для исторической мысли.

2. Методы и материалы

Отправной точкой для настоящей статьи послужили размышления С. Уиттакер, которая рассматривает массив российской политической литературы XVIII в. как единство «супражанра» литературы советников (*advice literature*) вместо того, чтобы заниматься поиском конфликтов между «либеральными» и «консервативными» течениями (Wittacker, 2003). Эта мысль представляется актуальной не только для публицистики и одической поэзии (анализу этих литературных жанров и посвящено исследование Уиттакер), но и для документов, которые создавались в относительно узком кругу властной элиты, которую мы можем назвать «придворно-административной элитой». Такое

* Corresponding author

E-mail addresses: k.d.bugrov@gmail.com (K.D. Bugrov)

определение достаточно полно отражает специфику этой социальной группы, обладавшей доступом к особе императора и одновременно удерживавшей ключевые должности центрального административного аппарата. Именно эта группа оказывала определяющее влияние на государственную политику – хотя бы потому, что в ее среде вырабатывались документы, ложившиеся в основу будущих законодательных актов.

В силу социальной и политической специфики в России не существовало выборных властных органов, к которым публицисты обращались бы с целью убеждения. Таким образом, в России XVIII – начала XIX в. отсутствовала и культура трактатов и памфлетов, нацеленных на убеждение относительно широкого круга читателей; именно этот круг текстов, как правило, и является предметом анализа в трудах по истории политической мысли (Skinner, 1979). Вместо этого риторические стратегии российских участников политического процесса – по крайней мере, в XVIII – начале XIX столетий – неизменно ориентировались на императорский двор с его специфическими центрами принятия решений, задействовавшими один и тот же властный ресурс – волю государя (Christian, 1979). Проекты реформ, выдвигавшиеся членами придворно-административной элиты, можно считать «супражанром» (по терминологии С. Уиттакера), объединенный спецификой дискуссии и единством адресанта.

В настоящей статье мы рассматриваем лишь ограниченное количество реформаторских проектов, созданных в период с начала 60-х гг. XVIII в. (Бугров, Киселев, 2010), когда кризис системы управления на фоне Семилетней войны впервые породил масштабную «волну» проектов реформ? до середины 20-х гг. XIX в. Речь идет не об опубликованных трактатах, число которых поддается учету, а о докладных записках, часть которых была опубликована, часть – не опубликована и известна лишь узкому кругу специалистов, а часть, безусловно, еще не введена в научный оборот. Ниже мы постараемся рассмотреть важнейшие связующие элементы «супражанра» реформаторских проектов и продемонстрировать концептуальное единство всего комплекса в противовес представлениям о борьбе реформаторов / конституционалистов и консерваторов / монархистов.

3. Обсуждение

Говоря о различных моделях легитимации российской монархии XVIII в., С. Уиттакер выделяет созданную Петром легитимацию «царь-преобразователь» (reforming tsar) как базовую, к которой, подобно палимпсесту, добавлялись другие варианты (Whittaker, 2002: 52, 186). Этот реформаторский импульс монархической идеологии XVIII в. разделяли практически все авторы реформаторских проектов. Канцлер А.А. Безбородко писал в 1799 г. о «благе общественном» (РА, 1877: 297), П.В. Завадовский в 1802 г. – о «благоденствии народа» (ЧОИДР, 1864: 100), Д.А. Гурьев в 1816 г. – о «благоденствии всех и каждого» (СИРИО, 1894: 40). Эти и подобные риторические фигуры можно объединить под характерным наименованием «общего блага». Речь о преобразованиях практически всегда строилась вокруг вопроса об «общем благе», во имя которого мобилизовались воля императора и усилия властных органов.

Анализ содержания, которое конкретные авторы вкладывали в понятие «общее благо», не является предметом настоящей статьи; достаточно констатировать, что представления об «общем благе» оставались размытыми (именно такая размытость и позволяла сосуществовать различным риторическим стратегиям, которые могли по-разному описывать «общее благо»), и одновременно – создавали для разных группировок придворной элиты возможность взаимопонимания. Невозможно и полностью отождествить «общее благо», реформы и прогресс – взгляды представителей придворно-административной элиты на прогресс могли разниться (Киселев, 2014: 23-29).

Как бы то ни было, понимание «общего блага» зависело от сложной системы координат, куда входили – кроме прочего! – экономическое процветание (измерявшееся развитием торговли, искусства, наук и общего «благоустройства»), военное могущество, общее «спокойствие» и соблюдение правосудия, а также моральное совершенствование подданных. К. Шарф, ссылаясь на классические работы Н.И. Павленко о Петре I, дифференцирует понятие «общее благо» на сходные категории: «Внутренний мир и безопасность каждого в отдельности, правовой порядок и «хорошую полицию», материальное благополучие подданных и просвещение» (Шарф, 2008: 34). Но, вне зависимости от конкретных интерпретаций, авторы проектов рассматриваемого периода признавали «общее благо» достижимым на секулярных основаниях, с помощью рациональных мер (реформ), а также поддающимся сравнению в международном контексте (могут быть более и менее «благоустроенные» страны). При всех оговорках можно констатировать: мотивация реформизма была связана с модернизаторским импульсом петровских преобразований. Обращения к этой теме присутствовали практически во всех проектах на большой временной протяженности и являлись тем общим полем смыслов, которое обеспечивало дискуссии концептуальное единство.

4. Результаты

Начнем с обращения к одному из наиболее критических текстов рассматриваемого комплекса – «Рассуждению о непрременных государственных законах» Н.И. Панина, созданному не позднее 1783 г. Казалось бы, присутствие в «Рассуждении» цитат из «Общественного договора» Руссо о том, что «власть, производящая обиды, насилия, тиранства, есть власть не от Бога» и вытекающем отсюда

праве нации «возвратить свою свободу» (Фонвизин, 1959: 259) вплотную подводит к концепциям народного суверенитета и общественного договора (Лотман, 2000: 5-26). Однако отсылки к Руссо необходимо рассматривать в контексте других (более обширных!) фрагментов «Рассуждения» – именно, открывающих текст похвал по адресу власти просвещенного самодержца, напоминающих аргументы из «Анти-Макиавелли» Фридриха II (L'Anti-Machiavel, 1747: 1-6). Власть государя подобна власти Бога, «беспредельна» и «неограниченна», но «Бог потому и всемогущ, что не может делать ничего другого, кроме блага; а дабы сия невозможность была бесконечным знамением его совершенства, то постановил он правила вечныя истины для самого себя непреложные, по коим управляет он вселенною и коих, не престав быть богом, сам преступить не может» (Фонвизин, 1959: 253).

Эти аргументы противоречат цитате из Руссо, намекающей на общественный договор, и одновременно указывают на соответствие «Рассуждения» общему контексту других придворных реформаторских проектов. Так, сходный аргумент уже в царствование Павла I приводил А.А. Безбородко в записке 1799 г.: «Государь самодержавный, если он одарен качествами сана его достойными, чувствовать должен, что власть дана ему беспредельная не для того, чтобы управлять делами по прихотям, но чтоб держать в почтении и исполнении законы предков своих и самим им установленные; словом, изрекши закон свой, он, так сказать, сам первый его чтит и ему повинуетя, дабы другие и помыслить не смели, что они от того уклониться или избежать могут» (РА, 1877: 297).

Концепция общественного договора преломлялась в творчестве придворных реформаторов специфическим образом. Придворные реформаторы признавали возможность восстания народа против тирана и даже считали такое восстание правомочным; эта тема получила развитие и в литературе XVIII в. (Whittaker, 2002: 166-185) и в драматургии (Wirtschaft, 2003: 166). Однако ни один из реформаторских проектов не раскрывал вопроса о том, какая инстанция может считаться представителем народа и стороной общественного договора, идентифицирующей правителя как тирана.

Определение такой инстанции было условным; так, вскоре после переворота 1762 г. первоприсутствующий член Комиссии о вольности дворянской А.П. Бестужев-Рюмин предложил коллегам по Комиссии вместе с Сенатом выступить «корпусом», поднося Екатерине II от имени «всего российской дворянства и всего подвластного ей народа» титула «Матери Отечества» (Омельченко, 2001: 95). Общая численность этого «корпуса» составляла около 30 человек, при этом и члены Сената, и члены Комиссии были назначенными сановниками, а не избранными представителями каких бы то ни было групп. Концепция общественного договора функционировала на российской почве своеобразно. Факт нарушения договора и существования тирании обычно признавался уже после переворота; тот, кого свергли – тот и тиран. Механика свержения тирана и возведения на трон законного государя была провиденциалистской; речь шла о чуде, а не о законе. Исключая ситуацию чуда, переворот оставался событием, достойным сожаления. К примеру, Н.И. Панин, который сам был один из руководителей свержения Петра III в 1762 г., не отзывался о перевороте с одобрением, постоянно подчеркивая вынужденный характер свержения (Шумигорский, 1907: 20). В 1811 г. Н.М. Карамзин с ужасом отзывался об убийцах Павла I (не оспаривая при этом ни деспотического характера его царствования, ни справедливости его падения) и насмешливо сравнивал их с римскими тираноборцами Брутом и Кассием – разумеется, не в пользу первых (Карамзин, 1991: 40).

На деле же упоминание в реформаторских проектах права нации на свержение тирана было не защитой прав представительного властного органа, но напоминанием монарху о необходимости мудрого правления, направленного к «общему благу». Даже М.М. Сперанский – наиболее радикальный из придворных реформаторов – расценивал баланс между народом и правительством, прежде всего, как систему, в которой эффективный механизм обратной связи сообщит правительству о том пределе, за которым вначале поднимется «вопль», а затем начнется бунт. Это, в конечном счете, означало, что ситуацию расторжения обязательств можно зафиксировать только задним числом.

Придворные реформаторы 2-й половины XVIII – начала XIX вв. сходились в том, что власть императора должна быть абсолютной и нацеленной на достижение «общего блага». Закон рассматривался как «инструмент воспитания и управления» (Тимофеев, 2011b: 120). Абсолютистской эту аргументацию можно считать потому, что ни один из реформаторов не предполагал, что император может быть хотя бы в теории равен какому-либо властному органу или подотчетен какой-либо иной земной инстанции. Здесь следует согласиться с мнением американского исследователя Д. Кристиана, высказанным по поводу членов «сенатской партии» первых лет царствования Александра I, но верным и в отношении других придворных реформаторов: «Самодержец не мог легальным образом подвергнуться процедуре <...> по простой причине: не существовало суда, который бы мог легально или на практике ввести ее в силу, если бы монарх предпочел ее проигнорировать» (Christian, 1979: 301).

Несмотря на то, что авторы реформаторских проектов признавали абсолютный характер власти императора, это вовсе не означало одобрения произвола. Авторы проектов рассматривали абсолютного монарха не как главу правительства, но как главу государства в целом, обязанного заботиться об «общем благе», которое противопоставлялось «партикулярным» выгодам отдельных

«сильных персон». Именно поэтому ключевой темой при обсуждении ограниченной и неограниченной власти императора была не конкуренция между императором и другими органами власти (как я постарался показать выше, возможность конфликта между императором и властными органами исключалась авторами проектов), а вопрос об организации административного аппарата.

Фаворитизм, который считался настоящим бичом политической жизни России XVIII в., вовсе не казался представителям придворно-бюрократической элиты явлением, по своей сути чуждым административно-бюрократической системе. Такие исследователи политических реформ XVIII–XIX вв. как М. Раев (Raeff, 1975: 1221-1243) и Д. Рансел (Ransel, 1975: 278) усматривали парадокс в одновременной ориентации государства на создание рациональной бюрократии и личностным характером властной иерархии российского самодержавия. Но ни один из авторов реформаторских проектов не выступал за создание автономной бюрократической машины! Напротив, режим персональных связей был ее alter ego; фавориты и «ласкатели», населяющие реформаторские проекты XVIII–XIX вв. – это порождения именно бюрократического аппарата, его бесчисленных канцелярий и «камор». Для автора проекта любой другой представитель придворно-административной элиты выступал в качестве потенциального фаворита, способного монополизировать влияние на императора; так, Н.И. Панин яростно критиковал Д.В. Волкова (Бутров, 2015: 223), а А.П. Бестужев-Рюмин – Н.И. Панина; «молодые друзья» Александра I критиковали П.А. Зубова, а позднее Н.М. Карамзин и ряд других авторов – М.М. Сперанского. На практике фаворитизм оставался важным элементом властной системы, хотя ближе к концу XVIII в. его роль начала падать (Курукин, 2015: 219). Поэтому бюрократическая рутина – ограничение императорской власти на практике – считалась важнейшей угрозой «общему благу» и борьба с ней оставалась лейтмотивом целого ряда реформаторских проектов. В частности, важное место занимала персональная ответственность государственных сановников, о чем писали анонимный автор «Essai sur un regiment organique de toutes les branches du gouvernement de Russie», очевидно, близкий к кружку реформаторов первых лет царствования Александра (Граф Павел Александрович Строганов, 1904: 260), участник alexандровского Негласного комитета В.П. Кочубей (СИРИО, 1894: 208), министр внутренних дел О.П. Козодавлев (Сборник исторических материалов, 1906: 206), министр финансов Д.А. Гурьев (СИРИО, 1894: 70-71) и, наконец, статс-секретарь Д.А. Балугьянский (СИРИО, 1894: 34). Другим важным элементом считалась недопустимость обращений к императору «через голову» властных инстанций. Об этом писал, например, Н.И. Панин в 1762 г. (Бутров, 2015: 232-233); это же явление критиковал и министр юстиции Д.П. Троицкий (ЧОИДР, 1859: 51-51).

О том, что министры легко способны превратиться в тиранов, злоупотребляющих доверенной им властью, говорилось в целом ряде проектов. Так, сенатор П.В. Завадовский в 1801 г. завершил цитатой из «Жизнеописания Агриколы» Тацита свой исторический обзор положения Сената в XVIII в.: «Се образ порабощенного Сената, в котором молчать было тяжко, говорить было бедственно!» (ЧОИДР, 1864: 103). В хорошо известном российскому читателю тексте Тацита речь шла о бесчинствах тирана Домициана; у Завадовского в роли тирана выступал уже не император, а генерал-прокурор. «В нашем веке где деспотизм? в Царях?» – задавался в 1826 г. вопросом статс-секретарь М.А. Балугьянский, и сам же отвечал: «Он [деспотизм] есть в управляющих местах и лицах действующих с совершенно неопределенною властью в замешательстве порядка в производстве дел» (СИРИО, 1894: 33). И именно опасность потери контроля над административным аппаратом имел в виду Карамзин, с сарказмом отмечая в «Записке о древней и новой России» 1811 г.: «Сирены могут петь в круге трона: “Александр, воцари закон в России... и проч.” ... Я возьмусь быть толкователем сего хора: “Александр! Дай нам, именем закона, господствовать над Россией, а сам покойся на троне, изливай единственно милости, давай нам чины, ленты, деньги!”» (Карамзин, 1991: 102).

Для обоснования административных реформ часто использовалась метафора зрения, способности государя видеть истинное положение дел в своей империи. Угроза ограничения благодетельной неограниченной власти монарха исходит прежде всего от фаворитов и «ласкателей», а также от разрастающегося и коррумпированного бюрократического аппарата, обманывающего государя и скрывающего от него истинное положение дел. Незрячий, слабо информированный государь не способен быть полновластным и, соответственно, всегда подвержен угрозе восстания и потери власти. Сенатор П.В. Завадовский подчеркивал в своем «Мнении о правах и преимуществах Сената» 1801 г.: «Все добрые Государя не оскорбляются представлением им истины, покровительствуют законам и народное благо вменяют в свое собственное» (ЧОИДР, 1864: 107).

Это различие между зрячим и слепым было принципиально важным, например, для политической философии Монтескье, которые оказал сильное влияние на то, как российский элиты воспринимали монархию. В трактате «О духе законов» Монтескье описывал различия между монархией и деспотией так: «Хотя в этих двух видах правления характер повиновения неодинаков, тем не менее у них одна и та же верховная власть. Куда бы ни обратил свой взор государь, он всюду заставляя чашу весов склониться на свою сторону и ему повинуются. Все же различие тут в том, что в монархиях государя – люди более просвещенные, и министры их несравненно искуснее и опытнее в делах правления, чем в деспотическом Государстве» (Монтескье, 1955: 186). Сходные замечания об отношениях между монархом и его административным аппаратом делали и другие политические мыслители XVII–XVIII вв., например, С. Пуфендорф (Pufendorf, 2003: 54-55) и Э. Ваттель (Vattel,

1758: 140-141). Именно способность принимать оптимальные решения, а не абстрактное ограничение властных прерогатив монарха конкурирующими властными органами, виделась Монтескье отличительной чертой «просвещенной» монархии: «Законы – это глаза государя; благодаря им он видит то, чего без них не мог бы увидеть. Присваивая себе обязанности судьи, он действует не в свою пользу, а в пользу своих обольстителей, во вред самому себе» (Монтескье, 1955: 302-303). Монархии гибнут «по той причине, что государи, вместо того чтобы ограничиться единственным достойным содержанием делом – общим надзором за управлением, захотели всем управлять непосредственно сами».

Таким образом, обсуждение административных реформ, как правило, велось именно в терминах разделения властей. Среди авторов, использовавших такую терминологию, следует назвать сенатора Г.Р. Державина (ЧОИДР, 1858: 123), П.В. Кочубея (СИРИО, 1894: 7), адмирала Н.С. Мордвинова (Архив графов Мордвиновых, 1902: 222), Д.А. Гурьева (СИРИО, 1894: 67) и, наконец, М.А. Балугьянского (СИРИО, 1894: 28). При этом большинство реформаторов указывали на неделимость суверенитета. Общий для всех реформаторских проектов тезис об угрозе власти государя, исходящей из недр бюрократического аппарата, позволял предлагать конкретные меры по исправлению ситуации. Линия же раздела между разными авторами проходила не по вопросу о том, должна ли императорская власть быть ограничена (как мы постарались показать, мнение по этому поводу было практически единодушным), а по вопросу о том, какой должна быть эффективная конфигурация системы управления. Показательно, что Д.А. Гурьев в проекте 1816 г. вовсе не усматривал разницы между избираемыми («призываемыми») законодательными органами и назначенным законодательным советом. Технология управления, на взгляд Гурьева, остается одной и той же – исполнительная власть помогает направлять мнения законодательного органа вне зависимости от того, кто в нем заседает; «первая управляет, действует, вторая соглашается, одобряет и рассматривает действия правления» (СИРИО, 1894: 71).

Часть авторов считала, что центральную роль в управлении должен играть Сенат – еще в 1762 г. Сенат во главе с генерал-прокурором Я.П. Шаховским представил Екатерине II доклад, предлагавший передоверить принятие текущих административных решений Сенату «по представлениям генерал-губернаторов и прочих присутственных мест, не утруждая Ваше Императорское Величество наставлениями и резолюциями давать» (РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 21. Л. 5-6). Идея оказалась устойчивой: в последующие годы так считали А.А. Безбородко (РА, 1877: 297-300), П.В. Завадовский (ЧОИДР, 1864: 101-107), а также канцлер А.Р. Воронцов в своем «Примечании о правах и преимуществах Сената» (ЧОИДР, 1864: 409-410) и ряд других сановников (Граф Павел Александрович Строганов, 1903: 307-313). Часть реформаторов, напротив, отводила Сенату лишь судебную и контрольную функцию, а управление предлагала сосредоточить в руках министров, имеющих отраслевую специализацию. Проекты такого рода появились уже при Петре III (Бугров, Киселев, 2010: 124-127); одним из первых такое мнение высказывал Н.И. Панин в 1762 г. (Бугров, 2015: 226-247), а впоследствии – участник Александровского Негласного комитета П.А. Строганов (Граф Павел Александрович Строганов, 1903: 292) и анонимный автор «Essai sur un regiment organique de toutes les branches du gouvernement de Russie» (Граф Павел Александрович Строганов, 1903: 261). Иногда Сенат предлагалось разделить на две части; министры то подчинялись Сенату, то выводились в подчинение особому совету либо комитету. Например, Д.А. Гурьев в 1816 г. считал нужным создать Правительствующий Сенат в системе исполнительной власти (то есть над министерствами) и Судный Сенат – в системе власти судебной (СИРИО, 1894: 84). Например, «Таблица властей империи» – впечатляющая визуализация практического подхода к разделению властей, составленная участником Негласного комитета А. Чарторыйским для Александра I – предполагала деление на исполнительную (министерства), судебную и «охранительную» («правительствующий» и «судебный» отделы Сената) части, над которыми стоит император со своим Советом (Богданович, 1869: 98-99). Сходную таблицу в 1816 г. создал Д.А. Гурьев, однако здесь министерства оказались включены в сферу управления Правительствующего сената как его «присутствия» (СИРИО, 1894: 84). Имелись разногласия по вопросам о том, как именно должен выглядеть Совет (в одних случаях он включал руководителей «отраслевых» министерств, в других – нет).

Как бы то ни было, используя уже упомянутый образ фабрики, принадлежащий Н.И. Панину (Бугров, 2015: 234), можно сказать: ни точное распределение заданий среди работников, ни четкая регламентация не умаляют власти хозяина, но, напротив, делают ее более эффективной. Реформаторские проекты не предполагали баланса сил в современном смысле; «разделение властей» в понимании реформаторов было ориентировано на обеспечение оптимального контроля со стороны государя и достижение «общего блага», а не баланса интересов. Именно по этой причине принципом организации «разделения властей» выступала, как правило, не способность властных органов блокировать решения, а ступенчатая экспертиза и апелляция к верховной власти. Авторы реформаторских проектов – от Н.И. Панина до Д.А. Гурьева, от А.Р. Воронцова до М.М. Сперанского – считали наиболее реальной опасностью для императорской власти фактическую узурпацию этой власти административным аппаратом. Центральной темой дискуссии о политических реформах было, таким образом, не создание «свободных» органов власти, а организация административного аппарата. Рассуждения о «законной монархии», в которой государь сам у себя «отъемлет»

возможность творить зло, даже в теории не предполагали возможности конфликта между государем и властным органом, способным ему в этом воспрепятствовать.

Аргументы в пользу совершенствования системы принятия решений, связанные с метафорой зрения, открывали возможности для предложений по созданию представительных органов внутри властной иерархии. Популярной среди реформаторов была идея представительного Сената, связанная, по-видимому, с тем, что под влиянием европейской интеллектуальной традиции (прежде всего – философии Монтескье) Сенат начал осмысляться как «хранитель законов», наделенный «правом представления». Эта идея – общее место для всех проектов, которое было зафиксировано в екатерининском «Наказе» и о котором писали Н.И. Панин, А.Р. Воронцов и многие другие – была почерпнута, очевидно, из политической философии Монтескье, но обосновывалась и с помощью ссылок на российскую практику. Например, Н.И. Панин в проекте 1762 г. обосновывал сенатское право представления с помощью Генерального регламента (Бугров, 2015: 245); аналогичные аргументы в пользу права представления спустя сорок лет, в 1801 г., приводил П.В. Завадовский, придерживавшийся по поводу административной роли Сената прямо противоположной позиции (ЧОИДР, 1864: 100-107).

Как бы то ни было, ряд авторов предлагал полную или частичную выборность Сената. Так считали Н.И. Панин, чье мнение по данному поводу сохранил конспект беседы, сделанный цесаревичем Павлом Петровичем в 1783 г. (Бугров, 2015: 269), а также Г.Р. Державин (ЧОИДР, 1858: 123), Н.С. Мордвинов (Архив графов Мордвиновых, 1902: 224) и целый ряд других. При этом некоторые реформаторы предлагали избирать лиц, уже служащих в центральных административных органах. Об этом писали, например, Г.Р. Державин и П.А. Зубов в 1801 г. (Сафонов, 1978: 237-243) и Н.С. Мордвинов в 1802 г. (Архив графов Мордвиновых, 1902: 225). Мордвинов прямо связывал систему губернских собраний с предполагаемыми выборами сенаторов, которые должны проводиться на тех же основаниях, что и выборы губернских предводителей. Альтернативной моделью было создание нового представительного органа взамен модификации Сената либо в дополнение к такой модификации; об этом писал, например, А.А. Безбородко. Иногда это могла быть судебная палата, в которой часть судей предлагалось назначать, а часть – избирать. А.А. Безбородко в записке 1799 г. допускал выбор депутатов от разных сословий, а также предполагал участие собрания депутатов в обсуждении и подготовке законов (РА, 1877: 300); анонимный автор «Essai» в 1801 г. считал возможным участие только дворянских депутатов (Граф Павел Александрович Строганов, 1903: 260). В проектах Сперанского такая роль отводилась Государственной думе, а в Государственной уставной грамоте – Государственному сейму.

Опыт создания выборных органов совещательного типа в России имелся. Речь идет, прежде всего, об Уложенных комиссиях. Так, сенатский указ от 29 сентября 1761 г. предписывал избрать представителей дворянства и купечества для «слушания» вновь составляемого Уложения, с характерной мотивационной частью: «А как сочинение Уложения для управления всего государства весьма нужно, следственно всего общества и труд в советах быть к тому потребен, и потому всякого сына отечества долг есть советом и делом в том помогать». Указ требовал избрать по два делегата от дворянства каждой провинции (при этом избрать можно было и кого-либо из находившихся в Санкт-Петербурге «у статских дел») и по одному – от купечества каждой провинции. При этом местным властям, с одной стороны, было предписано «понуждать неослабно» выборщиков в случае промедления, а с другой – «под взысканием штрафа» к выборам «не приступать и ни чем не мешать» (ПСЗ, 11 335: 792-794).

С другой стороны, образцом для реформаторских предложений по организации выборных органов власти могла служить система дворянских выборов, введенная Жалованной грамотой дворянству 1785 г. Так, А.А. Безбородко полагал, что теперь достаточно реализовать принципы, заложенные Жалованной грамотой, на уровне империи в целом (РА, 1877: 299); аналогичным образом и при составлении Н.Н. Новосильцевым Уставной грамоты в структуру выборных органов были включены уже действовавшие дворянские собрания (Государственная уставная грамота, 1831).

Наконец, М.М. Сперанский предлагал цензовую систему выборов, наиболее тщательно разработав вопрос представительства. Сперанский указывал на то, что действующая российская политическая система лишь выглядит «законной» и настаивал на том, что подлинно «законная» система предполагает свободу и ограничение «державной власти» не только правом, но и «силами» других властей, прежде всего – законодательной. Избираемая на цензовом основании (дворяне плюс «среднее состояние», с учетом имущественного состояния) Государственная Дума – «законодательное сословие» по Сперанскому – равна Сенату и министерствам (План государственного преобразования, 1905: 63-64, 77-78). Сходную организацию выработывал Н.Н. Новосильцев для Государственной уставной грамоты (1820), с опорой на дворянские собрания и окружные городские общества (Государственная уставная грамота, 1831: 152-169).

Так, В.П. Кочубей в 1814 г. отмечал, что законодательство не может быть доверено «депутатам губернским или, как в разных государствах называют, провинциальным штатам», поскольку «степень просвещения» в России недостаточна, чтобы «подражать другим» (СИРИО, 1894: 8). В свою очередь, М.М. Сперанский расценивал Земские соборы и Боярскую думу XVII в., события 1730 г., а также Уложенную комиссию Екатерины II, как предвестников «генеральных штатов», однако полагал, что

тогда Россия еще не созрела для представительных органов. Теперь же, по его мнению, ситуация изменилась: Сперанский старательно приводил доводы, которые должны были убедить императора в том, что российское общество уже созрело для широкомасштабного представительства.

Итак, реформаторские проекты обосновывали различные модели представительства – сенатскую или сеймовую, с опорой на бюрократию, дворянство либо на имущественный ценз. Из комбинаций этих элементов формировалась целая таксономия реформаторских стратегий. Все эти вопросы увязывались с общей проблемой социальной «зрелости» страны (Тимофеев, 2011а: 364-365). Таким образом, избираемые органы рассматривались реформаторами как подчиненные власти императора; распределение властных полномочий между монархом и представительскими органами расценивалось как допуск к участию в процессе управления наиболее зрелых групп населения. В целом, практически все реформаторские проекты в той или иной степени поддерживали создание выборных органов, что позволяет утверждать: выборное представительство не представлялось реформатором более серьезной угрозой, чем, например, своеволие бюрократии или фаворитизм. Иными словами, отношения с представительными органами власти не были для самодержца антагонистической игрой.

Представительство мыслилось лишь как вспомогательный элемент в системе административного равновесия и не представляло собой угрозы императорской власти. Соответственно, различия между придворными реформаторами в отношении представительных органов власти заключались не в степени «ограничения» царской власти представительством, но в том, насколько радикальной была модель доступа к участию в представительстве. В этом смысле проекты Сперанского, где обосновывается цензовая система выборов, были наиболее радикальными.

Однако различные модели организации представительства – на какой бы принцип они ни опирались – должны были служить механизмами для обеспечения эффективной «обратной связи», позволяя достичь желанной для реформаторов оптимизации власти государя и не имея потенциала бросить ему вызов. В силу этого те выборные органы, которые предлагалось ввести в административную систему Империи, не предполагали общественного договора (как мы уже отмечали, политическая механика в придворном политическом дискурсе XVIII–XIX вв. опиралась не на договорные отношения между государем и подданными, но на вмешательство Провидения) и не были способны представлять политическую угрозу для императорской власти. Можно согласиться с К.С. Черновым, который характеризует выдвигавшиеся при Александре I предложения по созданию представительных органов в русле традиции уложенных комиссий XVIII в., как «институт сбора информации с мест» (Чернов, 2012: 176).

5. Заключение

В рамках той таксономии, которую мы постарались обрисовать выше, невозможно описать конкретный реформаторский проект как либеральный или консервативный, «правительственный» или «дворянский». Все эти проекты имели сходства, задававшие единством коммуникативного контекста – признанием абсолютной власти императора в монархии, что вытекало не столько из убеждений реформаторов, сколько из коммуникативной логики проекта – докладной записки. Различия между разными политическими стратегиями придворных реформаторов могут быть описаны и поняты именно на основании различий в позициях по конкретным вопросам, образующих сложную таксономию, которую мы постарались кратко охарактеризовать выше.

Характерным для этой элиты было, в частности, обсуждение критериев допуска к участию во власти низестоящих групп; подобное участие казалось многим реформаторам вполне желательным. Следовательно, вопрос о представительстве не был порождением конфликта между дворянской корпорацией и бюрократией. Можно сказать, что придворно-административная элита разыгрывала «партию одинокого шахматиста» за обе стороны, задавая вопросом: на каких основаниях социальные группы могут быть квалифицированы для участия в процессах управления? Ответы на этот вопрос варьировались, однако сам иерархический принцип оставался неизменным.

В этом отношении знаменитая цитата из Монтескье («нет монарха, нет и дворянства, нет дворянства, нет и монарха»), оказывалась для представителей придворно-административной элиты разменной монетой. Так, на нее ссылался Сперанский в записке 1802 г. «О коренных законах государства» (Сперанский, 1961: 42), приводя аргументы в пользу реформы дворянского сословия и наделения его особыми правами. Но на эти же слова Монтескье ссылался и Карамзин в «Записке о древней и новой России» 1811 г., критикуя Сперанского и – опять-таки! – говоря о ведущей роли дворянства в социальной иерархии. Характерно, что слова Монтескье Карамзин дополнил своеобразной интерпретацией: «Благоразумный господин уважает отборных слуг своих и красится их честью» (Карамзин, 1991: 105).

Ограничение власти государя, о котором часто говорилось в проектах административных реформ, следует считать самоограничением всеильного императора ради «общего блага». Альтернативой такому ограничению было фактическое присвоение власти императором кликой влиятельных бюрократов, способных монополизировать доступ к государю, завалить его рутинными делами и систематически дезинформировать. «Ограничение власти», таким образом, следует понимать в административном, а не в юридическом смысле – речь шла не о том, чтобы с помощью

того или иного правового акта «ограничить» власть императора, а о том, чтобы убедить императора реализовать на практике ту или иную административную конфигурацию ради лучшего качества управления и «общего блага».

Эффективное убеждение и консультации, а не формально-процедурное ограничение, было *modus operandi* реформаторских проектов в отношении власти государя. Полемика логика заставляла авторов тех или иных проектов обвинять своих конкурентов в том, что их предложения являются вредными, поскольку ведут к умалению власти императора в пользу административного аппарата. Однако подобные стратегии борьбы были характерны для всех текстов комплекса, а не только для гипотетической «абсолютистской» партии, сопротивлявшейся «ограничительным» реформам. В этом смысле все риторические стратегии реформаторских проектов являлись абсолютистскими. Представители придворно-административной элиты не дебатировали доктринальные вопросы – напротив, в большинстве случаев они сходились в определениях и использовали одни и те же оценки, риторические фигуры и цитаты.

Если согласиться с тем, что для придворных реформаторов угрозой была не абсолютная власть императора, а злоупотребления фаворитов и бюрократов, то попытки найти в административно-управленческих комбинациях реформаторских проектов замаскированные попытки ограничения императорской власти теряют смысл. Традиция же изучения российской политической истории как череды «потаенных конституций» и политических неудач может быть пересмотрена. Нарратив вечно сильного государства, подавляющего вечно слабое общество, воспроизводит основную риторическую стратегию реформаторских проектов – противопоставление движения к «общему благу» и скверным положением дел в реальности. Но было ли положение дел настолько скверным, а реформы – настолько ограниченными?

Оценить практическое значение «ограничения власти» в реформаторских проектах XVIII – начала XIX вв. возможно лишь в контексте изоциренных риторических стратегий придворных авторов, говорящих о способности видеть и слепоте, напоминающих о необходимости самоконтроля, использующих аргументацию деистского толка. Во второй половине XIX в. сходный набор аргументов станет идейной основой для российского монархизма различных течений.

Однако абсолютистский реформизм кажется нам интересным вовсе не потому, что он послужил основанием для какой-либо интеллектуальной традиции – монархической ли, конституционной ли. Напротив – при анализе конкретного эпизода истории политической мысли важно восстановить уникальные, только этому эпизоду присущие риторические стратегии, избегая соблазна применить ограниченный набор штампованных аналогий.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования, и научные учреждения государственных академий наук, и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Литература

[Архив графов Мордвиновых, 1902](#) – Архив графов Мордвиновых. Т.3. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902. 708 с.

[Богданович, 1869](#) – *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1. СПб., 1869. 539 с.

[Бугров, 2015](#) – *Бугров К.Д.* Монархия и реформы. Политические идеи Н.И. Панина. Екатеринбург, 2015.

[Бугров, Киселев, 2010](#) – *Бугров К.Д., Киселев М.А.* «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50-60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. № 33. С. 110-139.

[Государственная уставная грамота, 1831](#) – Государственная уставная грамота Российской империи. Варшава, 1831. 157 с.

[Граф Павел Александрович Строганов, 1903](#) – Граф Павел Александрович Строганов 1774 – 1817. Историческое исследование эпохи Александра I. Т.2. СПб., 1903. 488 с.

[Карамзин, 1991](#) – *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. 127 с.

[Киселев, 2014](#) – *Киселев М.А.* К истории дискурса реформ в России раннего Нового времени // Российская история. 2014. № 4. С. 23-29.

[Курукин, 2015](#) – *Курукин И.В.* Платон Зубов – «министр всех частей правления»: фаворитизм на исходе XVIII столетия // *Quaestio Rossica*. 2015. № 3. С. 200-226.

[Лотман, 2000](#) – *Лотман Ю.М.* Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю.М. Собрание сочинений. Т.1. Русская литература и культура Просвещения. М.: ОГИ, 2000. С. 5-26.

[Монтескье, 1955](#) – *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 799 с.

- ПСЗ, 1830** – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XV. СПб., 1830. № 11 335. 1050 с.
- Омельченко, 2001** – *Омельченко О.А.* Императорское Собрание 1763 года. (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. – Документы. М., 2001. 159 с.
- План государственного преобразования, 1905** – План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905. 359 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РА, 1877** – Русский архив. Вып. 1-4. М., 1877. 599 с.
- Сафонов, 1978** – *Сафонов М.М.* Конституционный проект П.А. Зубова – Г.Р. Державина // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 10. Л., 1978. С. 237-243.
- Сборник исторических материалов, 1906** – Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 13. СПб., 1906. 398 с.
- СИРИО, 1894** – Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 90. СПб., 1894. 620 с.
- Сперанский, 1961** – *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. 245 с.
- Тимофеев, 2011a** – *Тимофеев Д.В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. 454 с.
- Тимофеев, 2011b** – *Тимофеев Д.В.* Стратегия и тактика совершенствования российского законодательства в первой четверти XIX в. // Уральский исторический вестник. 2011. № 3. С. 114-121.
- Фонвизин, 1959** – *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений в 2 т.; под ред. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1959. 742 с.
- Чернов, 2012** – *Чернов К.С.* Правительственный конституционализм первой четверти XIX в. (на примере «Государственной Уставной Грамоты Российской империи») // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. № 11. 2012. С. 172-180.
- ЧОИДР, 1858** – Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1858. Кн. 3. М., 1858. 567 с.
- ЧОИДР, 1859** – Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1859. Кн. 4. М., 1859. 729 с.
- ЧОИДР, 1864** – Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1864. Кн. 1. М., 1864. 694 с.
- Шарф, 2008** – *Шарф К.* Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 9-45.
- Шумигорский, 1907** – *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. 214 с.
- Christian, 1979** – *Christian D.* The 'Senatorial Party' and the Theory of Collegial Government, 1801-1803 // *Russian Review*. Vol. 38. № 3. 1979. P. 298-322.
- L'Anti-Machiavel, 1747** – *L'Anti-Machiavel ou Examen du Prince de Machiavel, avec des Notes Historiques et Politiques.* Amsterdam, 1747. 480 p.
- Pufendorf, 2003** – *Pufendorf S.* The Whole Duty of Man According to the Law of Nature, with Two Discourses and a Commentary by Jean Barbeyrac. Indianapolis: Liberty Fund, 2003. 381 p.
- Raeff, 1970** – *Raeff M.* The Domestic Policies of Peter III and his Overthrow // *The American Historical Review*. Vol. 75. № 5. 1970. P. 1289-1310.
- Raeff, 1975** – *Raeff M.* The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *The American Historical Review*. Vol. 80. № 5. 1975. P. 1221-1243.
- Ransel, 1975** – *Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. New Haven: Yale University Press, 1975. 327 p.
- Skinner, 1979** – *Skinner Q.* The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 2. The Age of Reformation. Cambridge, 1979. 405 p.
- Vattel, 1835** – *Vattel E.* Le Droit des gens, ou Principes de la loi naturelle appliques a la conduite et aux affaires des nations et des souverains. Т. 1. Paris, 1835. 516 p.
- Whittaker, 2003** – *Whittaker C.* Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 248 с.
- Wirtschaftler, 2003** – *Wirtschaftler E.* The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theatre. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 296 p.

References

- Архив графов Мордвиновых, 1902** – Архив графов Мордвиновых [Archive of the counts Mordvinov]. Т.3. СПб.: Тип. I. N. Skorokhodova, 1902. 708 с.
- Bogdanovich, 1869** – *Bogdanovich M.I.* Istoriya tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I i Rossii v ego vremya [History of the reign of Emperor Alexander I and Russia in his time]. Т. 1. СПб., 1869. 539 с.

- Bugrov, 2015** – *Bugrov K.D.* Monarkhiya i reformy. Politicheskie idei N. I. Panina [The monarchy and reform. The political ideas of N.I. Panin]. Ekaterinburg, 2015.
- Bugrov, Kiselev, 2010** – *Bugrov K.D., Kiselev M.A.* «Zakon» i «Sovet»: kontseptual'noe pole proektov politicheskikh reform rossiiskoi byurokraticheskoi elity (rubezh 50-60-kh gg. XVIII v.) ["Law" and "Council": a conceptual field projects of political reforms of the Russian bureaucratic elite (turn of 50-60-ies of the XVIII century)] // *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii.* 2010. № 33. S. 110-139.
- Gosudarstvennaya ustavnaya gramota, 1831** – Gosudarstvennaya ustavnaya gramota Rossiiskoi imperii [The state charters of the Russian Empire]. Varshava, 1831. 157 s.
- Graf Pavel Aleksandrovich Stroganov, 1903** – Graf Pavel Aleksandrovich Stroganov 1774–1817. Istoricheskoe issledovanie epokhi Aleksandra I [Count Pavel Alexandrovich Stroganov 1774 – 1817. Historical study of the epoch of Alexander I]. T.2. SPb., 1903. 488 s.
- Karamzin, 1991** – *Karamzin N.M.* Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh [A note about ancient and new Russia in its political and civil relations]. M., 1991. 127 s.
- Kiselev, 2014** – *Kiselev M.A.* K istorii diskursa reform v Rossii rannego Novogo vremeni [The history of the discourse of reform in Russia in early modern time] // *Rossiiskaya istoriya.* 2014. № 4. S. 23-29.
- Kurukin, 2015** – *Kurukin I.V.* Platon Zubov – «ministr vsekh chastei pravleniya»: favorizim na iskhode XVIII stoletiya [Platon Zubov – the "Minister of all parts of the Board: favoritism at the end of the XVIII century"] // *Quaestio Rossica.* 2015. № 3. S. 200-226.
- Lotman, 2000** – *Lotman Yu.M.* Russo i russkaya kul'tura XVIII – nachala XIX veka [Rousseau and the Russian culture of XVIII – early XIX century] // Lotman Yu.M. Sobranie sochinenii. T.1. Russkaya literatura i kul'tura Prosveshcheniya. M.: OGI, 2000. S. 5-26.
- Montesk'e, 1955** – *Montesk'e Sh.* Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]. M.: Gospolitizdat, 1955. 799 s.
- PSZ, 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 goda [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649]. T. XV. SPb., 1830. № 11 335. 1050 s.
- Omel'chenko, 2001** – *Omel'chenko O.A.* Imperatorskoe Sobranie 1763 goda. (Komissiya o vol'nosti dvoryanskoi): Istoricheskii ocherk [The Imperial Collection of 1763. (Commission on freedom of the nobility): a historical sketch]. – Dokumenty. M., 2001. 159 s.
- Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya, 1905** – Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M.M. Speranskogo (Vvedenie k ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.) [The plan of the state transformation of count M. M. Speransky (Introduction to the Code of State Laws 1809)]. M., 1905. 359 s.
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts].
- RA, 1877** – Russkii arkhiv [Russian archive]. 1877. Vyp. 1-4. M., 1877. 599 s.
- Safonov, 1978** – Safonov M.M. Konstitutsionnyi proekt P.A. Zubova – G.R. Derzhavina [The constitutional project of P.A. Zubov, G.R. Derzhavin] // *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny.* Vyp. 10. L., 1978. S. 237-243.
- Sbornik istoricheskikh materialov, 1906** – Sbornik istoricheskikh materialov, izvlechennykh iz Arkhiva Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantselyarii [A collection of historical materials extracted from the Archives of his Imperial Majesty's Chancellery]. Vyp. 13. SPb., 1906. 398 s.
- SIRIO, 1894** – Sbornik Imperatorskogo rossiiskogo istoricheskogo obshchestva [The collection of the Imperial Russian historical society]. T. 90. SPb., 1894. 620 s.
- Speranskii, 1961** – *Speranskii M.M.* Proekty i zapiski [Projects and notes]. M.; L., 1961. 245 s.
- Timofeev, 2011a** – *Timofeev D.V.* Evropeiskie idei v sotsial'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossiiskogo poddannogo pervoi chetverti XIX veka [The European ideas in the sociopolitical lexicon of an educated Russian citizen in the first quarter of the XIX century]. Chelyabinsk, 2011. 454 s.
- Timofeev, 2011b** – *Timofeev D.V.* Strategiya i taktika sovershenstvovaniya rossiiskogo zakonodatel'stva v pervoi chetverti XIX v. [Strategy and tactics for improvement of the Russian legislation in first half of XIX century] // *Ural'skii istoricheskii vestnik.* 2011. № 3. S. 114-121.
- Fonvizin, 1959** – *Fonvizin D.I.* Sobranie sochinenii [Collected works] v 2 t.; pod red. G.P. Makogonenko. M.; L., 1959. 742 s.
- Chernov, 2012** – *Chernov K.S.* Pravitel'stvennyi konstitutsionalizm pervoi chetverti XIX v. (na primere «Gosudarstvennoi Ustavnoi Gramoty Rossiiskoi imperii») [Government constitutionalism in the first quarter of the XIX century (on the example of "the State charters of the Russian Empire")] // *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta.* № 11. 2012. S. 172-180.
- ChOidr, 1858** – Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete [Readings in the Imperial society of history and russian antiquities under the Moscow University]. 1858. Kn. 3. M., 1858. 567 s.
- ChOidr, 1859** – Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete [Readings in the Imperial society of history and russian antiquities under the Moscow University]. 1859. Kn. 4. M., 1859. 729 s.
- ChOidr, 1864** – Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete [Readings in the Imperial society of history and russian antiquities under the Moscow University]. 1864. Kn.1. M., 1864. 694 s.

Sharf, 2008 – *Sharf K.* Monarkhiya, osnovannaya na zakone, vmesto despotii. Transfer i adaptatsiya evropeiskikh idei i evolyutsiya vozzrenii na gosudarstvo v Rossii v epokhu Prosveshcheniya [Monarchy based on law instead of despotism. Transfer and adaptation of European ideas and the evolution of attitudes on the state in Russia in the age of Enlightenment] // «Vvodya nrayi i obychai Evropeiskie v Evropeiskom narode»: k probleme adaptatsii zapadnykh idei i praktik v Rossiiskoi imperii. M., 2008. S. 9-45.

Shumigorskii, 1907 – *Shumigorskii E.S.* Imperator Pavel I. Zhizn' i tsarstvovanie [Emperor Paul I. The life and reign]. SPb., 1907. 214 s.

Christian, 1979 – *Christian D.* The 'Senatorial Party' and the Theory of Collegial Government, 1801-1803 // *Russian Review*. Vol. 38. № 3. 1979. P. 298-322.

L'Anti-Machiavel, 1747 – *L'Anti-Machiavel ou Examen du Prince de Machiavel, avec des Notes Historiques et Politiques.* Amsterdam, 1747. 480 p.

Pufendorf, 2003 – *Pufendorf S.* The Whole Duty of Man According to the Law of Nature, with Two Discourses and a Commentary by Jean Barbeyrac. Indianapolis: Liberty Fund, 2003. 381 p.

Raeff, 1970 – *Raeff M.* The Domestic Policies of Peter III and his Overthrow // *The American Historical Review*. Vol. 75. № 5. 1970. P. 1289-1310.

Raeff, 1975 – *Raeff M.* The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *The American Historical Review*. Vol. 80. № 5. 1975. P. 1221-1243.

Ransel, 1975 – *Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. New Haven: Yale University Press, 1975. 327 p.

Skinner, 1979 – *Skinner Q.* The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 2. The Age of Reformation. Cambridge, 1979. 405 p.

Vattel, 1835 – *Vattel E.* Le Droit des gens, ou Principes de la loi naturelle appliques a la conduite et aux affaires des nations et des souverains. T. 1. Paris, 1835. 516 p.

Whittaker, 2003 – *Whittaker C.* Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 248 s.

Wirtschaftfer, 2003 – *Wirtschaftfer E.* The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theatre. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 296 p.

УДК 94

Абсолютистский реформизм: проекты политических реформ в России (2-я половина XVIII – 1-я четверть XIX в.)

Константин Дмитриевич Бугров^{a, *}

^a Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена феномену абсолютистского реформизма – форме политической культуры, охватывающей в хронологическом отношении период с середины XVIII в. по XIX в. и определяемой коммуникативным контекстом (жанром), прагматическими целями и социально-политическим статусом участников. Автор полагает, что ведущие реформаторы, принадлежавшие к кругам придворно-административной элиты Российской империи, конкурировали друг с другом, а также – что проекты и предложения реформ позволяли конкурентам использовать абсолютную власть императора для одновременного проведения реформы в жизнь и усиления собственных позиций во властной структуре. Это значит, что монарх занимал по отношению к реформаторским проектам позицию всесильного арбитра, способного создавать социальные и политические институты собственной волей. Следовательно, реформаторские проекты – от ранних проектов рубежа 50-х – 60-х гг. XVIII в. до интенсивного административного творчества эпохи Александра I – были нацелены на усиление власти монарха, при одновременном обеспечении ее благотворного характера и защите ее от потенциальной угрозы узурпации внутри бюрократического аппарата. Эта аргументация, противопоставлявшая монарха бюрократии, получит свое развитие в политической культуре российского XIX в.

Ключевые слова: абсолютизм, реформы, монархия, бюрократия, Российская империя, государственное управление, конституционализм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: k.d.bugrov@gmail.com (К.Д. Бугров)